

Возвращение

Миллионы телезрителей смотрели передачу, посвященную замечательной певице Алле Баяновой, слушали ее неповторимый голос. О своих беседах с артисткой, о том, как готовилась эта передача, рассказывает ее редактор Наталия Грешищева.

Впервые я услышала об Алле Николаевне Баяновой года два назад. Помню в телефонной трубке взволнованный голос исполнительницы цыганских песен и танцев Татьяны Филимоновой: «Вчера была в Доме дружбы на концерте одной румынской певицы. Это что-то невероятное...». А в начале нынешнего года мы узнаем, что А. Баянова в Москве, и решаем включить в передачу «Цыганка» сюжет о ней.

И вот вместе с режиссером В. Никитиным стоим на пороге одной из московских квартир. Дверь открыла, ослепительно улыбаясь, стройная женщина. С первых же минут общения мы почувствовали какое-то необъяснимое, исходящее от нее обаяние. И вскоре начали понимать, что перед нами не только замечательная певица, но и уникальный для нашего времени человек, который, несмотря на все жизненные перипетии, сумел сохранить в себе и донести до нас, нынешних, частицу «века минувшего». Именно эта particularность А. Н. Баяновой к высочайшей русской культуре начала века, в том числе и культуре общения, буквально сквозила во всем ее облике, выражаясь и в манере речи, полной благожелательности и достоинства, и в какой-то особой горделивой осанке. Через несколько дней, кроме намеченного сюжета, сняли на видео пленку ее концерт, состоявшийся в Доме культуры имени А. Серафимовича.

И вот сейчас, уже после выхода передачи в эфир, я опять сижу напротив Аллы Николаевны. Уже несколько минут мы не можем начать разговор — постоянно звонит телефон. Со словами благодарности обращаются к ней самые разные люди — знакомые и незнакомые, пожилые, средних лет и совсем молодые. Я все же уступаю минутку и задаю свой первый вопрос:

— Какие чувства у вас вызывает такая внезапная популярность у нас в стране?

— Для меня безумное счастье — то, что я полюбилась советским людям. Всю свою жизнь я стремилась быть услышанной на родине. Вы знаете, меня ведь увезли из Кишинева, где я родилась, совсем маленькой девочкой. Я его и не помнила совсем. Это было в 1918 году, когда Бессарабия отошла к Румынии.

Отец мой всегда очень тосковал по родине, а я очень любила отца, мы были с ним большими друзьями. И у нас в семье всегда много говорили о России.

Мы долгое время жили в Париже, там прошли мое детство и юность, там я училась. Нам предлагали принять гражданство, мама уже было согласилась, но отец ни в какую. Мы с отцом много гастролировали, бывали в разных странах и могли, наверное, где-то остаться навсегда. Но его все время тянуло жить ближе к родине, и мы еще до войны осели в Бухаресте.

Потом отец умер, а я вышла замуж за румына. Он не знал русского языка и уезжать, конечно, никуда не хотел. Мы тем не менее хорошо прожили с ним шестнадцать лет, но в 1958 году расстались. И тут я помчалась в советское посольство: «Научите меня, ради бога, как мне попасть в Советский Союз». Мне говорят: «Вы певица, попробуйте поехать туда на гастроли». Я бросилась умолять всех артистов, едущих в Советский Союз, взять меня с собой. Меня ставили в список, но в последний момент почему-то вычеркивали. Я пошла к начальству, а мне там сказали: «Ну зачем вам туда ехать, это все равно, что в огород со своими огурцами, у них там свои хорошие певцы есть». И я поняла, что все мои старания бесполезны. Тогда я начала записывать свой русский репертуар на пластинки. Именно благодаря им меня немного знали советские слушатели.

— И когда же вам впервые удалось приехать в Советский Союз?

— Это было в 1976 году. Я ходила по улицам и щипала себя — тут я или нет. Читала русские вывески, заходила в магазины, чтобы в толпе послушать русскую речь. Я не могу передать этого чувства, все было как во сне. А с начала 80-х годов я приезжаю сюда довольно часто и на гастроли, и по приглашению.

— Но почему же почти никто у нас в стране не знал об этом?

— Это нужно было бы спросить у Госконцерта. Почему они мне не давали ни одного открытого концерта, рекламы никакой, пела в пустых залах. Никогда не забуду свое выступление в доме отдыха Во-

роново. Ровно в 19 часов вышла на сцену — маленький зальчик, занято всего несколько рядов, сидят в пальто, зевают. Спрашиваю: «Простите, я, наверное, вам помешала отдыхать? Кто-то ответил: «Да у нас в это время уже спят». После этого я не выдержала, позвонила в Госконцерт директору Смоленскому, а он со мной и разговаривать не стал, отослал через секретаршу к своему заместителю. Вы не представляете, как это было для меня унижительно, как обидно. Я уехала в Румынию совершенно убитая. Но были и тогда светлые моменты. Меня приглашал Дом дружбы, я давала концерты по профсоюзной линии. И были аншлаги. Но то, что происходит сейчас, после передачи, дает мне заряд бодрости на многие годы. Понимаете, я обвездила весь мир и везде имела успех. Но когда здесь люди приходят ко мне на сцену, плачут и говорят: «Вы нам нужны», «Вы наша национальная гордость» — это для меня бесценно.

— К нам на телевидение, в газеты приходят восторженные отклики на передачу, и в письмах многие интересуются вашими встречами за границей с русскими певцами П. Лещенко, Ю. Морфесси и другими. Расскажите немного об этом, пожалуйста.

— С Морфесси я не работала, он был намного старше меня, но часто слышала его. Отец мой был дружен с ним. Его называли «князем цыганской песни». Но он никогда не пел с цыганским ансамблем или хором, как некоторые. Он всегда вел соло. Такой крупный человек с приятной улыбкой, с ямочками на щеках. Кстати, много песен из репертуара Юрия Морфесси и Жоржа Северского взял потом Петр Лещенко, и именно в его исполнении они стали известны советским людям.

А с Петром Лещенко мы встретились впервые в Бейруте на морской набережной. Он шел с дамой, они вдвоем вели за лапки забавного шимпанзе, наряженного в матроску, и говорили по-русски. Мой отец, конечно, не мог спокойно пройти мимо, подошел к ним, разговорились. Оказалось, что они заканчивают ангажемент в том же ресторане, куда и мы были приглашены. Тогда мы провели в его обществе два или три дня. А потом

я встретила с Петей уже в Бухаресте, там мы подружились и вместе работали.

— Алла Николаевна, как у любого артиста, который ведет активную творческую деятельность, у вас, наверное, есть какие-то планы на будущее. Вы не поделитесь ими с читателями «Советской культуры»?

— Что касается планов, то в Советском Союзе я вряд ли могу планировать какую-либо работу, это не от меня зависит. Но у меня есть одна заветная мечта, и если бы она осуществилась, я была бы счастлива. Мне бы хотелось, чтобы в Москве была организована студия русского старинного романса и цыганской песни. Ведь они же стоят этого. Молодые певцы многого не умеют. Я бы всю душу отдала этому делу, и думаю, что подготовила бы целую плеяду хороших молодых исполнителей.

Это пока только мечта. Но, не правда ли, есть чему поучиться у А. Н. Баяновой, этого удивительного человека, великодушного мастера, сохранившего в своем творчестве и донесшего до нас исполнительские традиции А. Вертинского, Ю. Морфесси, П. Лещенко, И. Юрьевой, В. Козина и еще многих и многих незаслуженно забытых нами русских певцов.

● А. Баянова.